



Проф. Н. А. Машкин

ПОСЛЕДНИЙ ВЕК ПУНИЧЕСКОГО КАРФАГЕНА

I

В IV и в начале III в. Карфаген был, бесспорно, самым сильным государством западного Средиземноморья. Его власть распространялась на западную часть побережья Северной Африки, ему принадлежала значительная часть Сицилии, Корсика, Сардиния, ряд других островов, лежащих к западу от Сицилии, он имел опорные пункты в Испании¹. Наиболее серьезным соперником Карфагена в течение долгого времени были Сиракузы, но претензии сиракузских тиранов не шли дальше сицилийских городов и областей, находившихся под властью Карфагена. Иногда, правда, сиракузские правители стремились распространить свое влияние на италийские области, но на последние Карфаген не претендовал. Власть карфагенян над сицилийскими городами не всегда была прочной. В конце IV в. борьба с Сиракузским государством перешла даже в Африку, и в течение трех лет (310—307 гг. до н. э.) Карфагену, не прекращавшему борьбы в Сицилии, пришлось бороться с сиракузским тираном на африканской территории, но поход Агафокла на Карфаген ставил конечной своей целью не захват карфагенских владений в Африке, а прежде всего ослабление мощи противника и упрочение власти Сиракуз в Сицилии.

На Апеннинском полуострове усиливалось Римское государство, лишь к концу IV в. вышедшее победителем из затяжной войны с самнитами, которые действовали одно время в союзе с этрусками и кельтами. Но, создавая под своею властью прочную италийскую федерацию, Рим был далек еще от притязаний на внеиталийские территории.

Положение изменилось в начале III в. Большая часть Италии находилась уже под властью Рима, он распространял свое влияние и на южно-италийские греческие города, но активное сопротивление оказал Тарент, в то время усилившийся. Конфликт между Тарентом и Римом привел к войне, известной под названием Пирровой. Появление Пирра сначала в Италии, а потом в Сицилии было в известном отношении явлением знаменательным. Пирр действовал не только как командир наемной армии, но как один из проводников тех завоевательных планов, которые от Александра Македонского перешли к его преемникам. Пирр стремился создать обширную и мощную западную державу. Война с Римом в качестве наемника тарентинцев, так же как и война в Сицилии с карфагенянами, была лишь средством в осуществлении обширных планов. Никогда еще

¹ См. Н. А. Машкин, Карфагенская держава до пунических войн, ВДИ, 1948, № 4, стр. 35; С. П. Коляев, История Рима, Л., 1948, стр. 185 и сл.

положение карфагенян в Сицилии не было таким тяжелым, как во время войны с Пирром. Почти вся Сицилия перешла к противнику. Готовилась экспедиция в Африку, и положение Карфагена могло стать более опасным, чем во времена Агафокла.

Дружественные связи между Римом и Карфагеном, если верить дате первого договора между этими государствами, указанной Полибием, восходят еще к концу VI в.; нет никаких сомнений в достоверности договора о торговле середины IV в. В 279 г. Рим и Карфаген выступают как союзники, связанные договором о взаимной помощи. После того, как Пирр оставил Сицилию, а потом потерпел поражение в Италии, и Рим и Карфаген направили все усилия к тому, чтобы восстановить прежнее значение первого — на Апеннинском полуострове, а второго — в Сицилии. Карфагену удалось это без особых усилий. В семидесятых годах III в. территория Карфагенской державы в Сицилии восстановлена была в прежних границах, и город Эхетла, расположенный на юго-востоке между Леонтинами и Камариной, стал пограничным между карфагенскими и сиракузскими владениями. Рим же, после того как примерно наказал мятежный кампанский легион, утвердился в Регии.

С 264 г. Сицилия, из-за которой в течение столетий происходила борьба между Карфагеном и греческими городами, прежде всего Сиракузами, становится ареной борьбы между Римом и Карфагеном. В начале войны греческие города стояли на стороне Карфагена; правда, сиракузский царь Гиерон вынужден был заключить с Римом мир и вступить с римлянами в союз, но другие города оказывали римлянам сопротивление. В наших источниках содержится мало сведений, касающихся внутренней истории Карфагена в годы I Пунической войны. Несомненно, что война связана была с чрезвычайным напряжением внутренних ресурсов, ибо не раз приходилось заново снаряжать флот, дорого обходилось и содержание армии, значительную часть которой составляли наемники.

В 256 г., подобно Агафоклу, Атилиий Регул угрожал Карфагену в самой Африке. По известиям А п п и а н а (Lib., 3) и автора трактата *De viris illustribus* (гл. 40), Карфагену сдалось 200 городов, по другим данным — 82 (O g o s., IV, 8, 16) или же 74 города (E u t r., II, 21, 3). «В довершение бедствия в одно время с римлянами на карфагенян нападали нумидийцы, причиняя стране не только не меньший вред, нежели римляне, но скорее больший» (P o l y b., I, 31, 2). Вполне естественно, что свободные племена встречали поддержку со стороны подчиненных Карфагену ливийских племен. В наказание за это нумидийцы после победы карфагенян над Регулом должны были уплатить 1000 серебряных талантов и 20 000 быков (O g o s., IV, 9, 9). По известиям А п п и а н а (Sic., II, 3), карфагеняне распяли на крестах 3000 ливийцев, перешедших на сторону римлян.

Видимо, для того, чтобы обезопасить тыл и вместе с тем расширить территорию, римляне повели регулярную войну с обитавшими на юге нумидийскими племенами, и в 247 г. взят был после осады город Тевеста, названный в греческих источниках стовратным — Гекатомпиллом (D i o d., XXIV, 10, 1).

Регул был побежден, в Африке Карфаген продвинулся на юг, но удержать Сицилию карфагенянам не удалось, и из первой войны с Римом карфагенское государство вышло побежденным и обессиленным, что сказалось особенно в 241 г. во время восстания наемников-ливийцев и рабов.

II

А р и с т о т е л ь (Pol., II, 8, 1) говорит, что карфагенская политика предохраняла государство от восстаний. Наши сведения из истории Кар-

фагена, однако, отнюдь не подтверждают это положение. В Карфагене происходили мощные социальные движения, по масштабу своему превосходившие нередко восстания в других областях античного мира. Восстание 241 г. ставится обычно в связь лишь с I Пунической войной и трактуется только как восстание наемников. Между тем корни его значительно глубже. В известной степени оно связано с образованием Карфагенской континентальной территории¹, когда стали отчетливее сказываться противоречия между рабами и рабовладельцами. Если до того рабы были заняты в городе и рассеяны по многим домам, мастерским, лавкам, кораблям и докам, то теперь в крупных поместьях сосредоточено было большое количество рабов. Опасность представляло и туземное ливийское население, потерявшее независимость и в массе своей превращенное в полузависимых крестьян.

Этнически ливийцы, как именуют источники туземное население Карфагенской континентальной территории, были родственны свободным нумидийцам, среди которых к III в. быстрее, чем в предшествующие эпохи, происходил процесс классового образования; в различных частях Северной Африки возникали более или менее устойчивые политические образования («царства»). Соседство нумидийцев особенно опасно было в периоды внешнеполитических затруднений Карфагена. Так было во времена Агафокла, так было и в период вторжения Регула, но особенно обострилось положение в 241 г., когда началось восстание, которое в современной литературе называется обычно «войной наемников»². Но ближе к действительному положению вещей то название, какое дает восстанию Полибий (I, 13, 3; II, 1, 3), называющий его Ливийской войной (λιβυκὸς πόλεμος)³.

Обстоятельства, способствовавшие началу этой войны, Полибий, наш главный и почти единственный источник по данному вопросу, рисует таким образом. После окончания I Пунической войны в 241 г. в Карфагене собралось большое количество наемных солдат, ждавших расплаты, с которой карфагенское правительство медлило, рассчитывая склонить наемников к известным уступкам. Но когда в городе начались грабежи и буйства разноплеменных наемников, правительство решило выселить их в город Сикку. Попытки склонить наемников к уступкам успехом не увенчались, и наемники в числе 20 000 направились к Карфагену, расположились лагерем около города Туниса и требовали не только выплаты жалования, но и вознаграждения за павших лошадей, а также хлебные деньги по наивысшей во время войны цене.

В качестве посредника к восставшим послан был Гискон, который стал производить расплату по племенам. Но так как Гискон не пожелал выполнить всех требований наемников и дал ливийцам обидный для них ответ, он и сопровождавшие его были схвачены, закованы в цепи и отданы под стражу.

В составе восставших были представители различных племен: иберы, кельты, лигуры, различные эллинизированные народности, но самую значительную группу составляли ливийцы (Р о л., I, 67, 7). К наемникам присоединились жители карфагенской туземной области. Во время I Пунической войны карфагеняне взимали с сельских жителей половину урожая, с горожан же — непомерно большой налог. Карфагеняне управляли сурово, отмечая и ценя тех правителей, которые отличались особенной

¹ Н. А. М а ш к и н, Карфагенская держава до пунических войн, ВДИ, 1948, № 4, стр. 40.

² St. G s e l l, Histoire de l'Afrique du Nord, III, 1928, стр. 100.

³ Главным источником по истории ливийской войны является П о л и б и й, I, 65—88. Фрагменты Д и о д о р а (XXVI, 23) воспроизводят Полибия. Но есть отдельные важные данные у А п п и а н а, особенно Sic., 2.

жестокостью (Р о л., I, 72). К тому же, часть территории присоединена была, видимо, сравнительно недавно, в результате экспедиции 247 г. К ливийцам присоединились отдельные нумидийские племена, и, наконец, они приняли большое количество беглых рабов. Об этом не упоминает Полибий, но вполне определенно указывает на это Аппиан (δοῦλων πολὺ πλῆθος ἀποδιδρασκόντων ὑπεδέχοντο — А р р., Sic., 2). Сообщение это вполне правдоподобно, ибо в результате восстания отложилась вся ливийская территория, на которой находилось много карфагенских крупных земельных владений. Вполне естественно, что рабы использовали необычайно благоприятно сложившееся для них положение. З о н а р а (VIII, 17) указывает, что к восставшим присоединялись рабы, бежавшие из самого Карфагена.

Все это свидетельствует о широком размахе восстания. Наемники начали гражданскую войну, но она приняла широкие размеры, и определяющим было участие как ливийцев, служивших в карфагенской армии, так и аграрного ливийского населения. В то же время это одно из первых в истории движений, в котором активное участие приняли рабы. Во главе восставших встали кампанец Спендий, бывший раб, бежавший от римлян, а затем служивший в карфагенских войсках. Любопытна мотивировка Полибия, почему Спендий стал во главе восстания: «...он опасался, — говорит Полибий, — что господин его может явиться в Карфаген и получить его обратно, а по римским законам он подлежал позорной смерти» (Р о л., I, 69, 5). Вторым руководителем был ливиец Матон, впоследствии выдвинулись вождь кельтских наемников Автакрит и ливиец Зарза.

Общее число восставших Полибий определяет в 70 000 человек. Они укрепили свой лагерь у Туниса и осадили города Утику и Бизерту. Сначала карфагеняне послали против восставших Ганнона Великого, руководителя экспедиции 247 г., и ему удалось освободить от осады Утику; Ганнон, имевший большой военный опыт в борьбе с ливийцами, надеялся, что, поскольку противнику нанесено поражение, он обратится в бегство, но на этот раз ему противостояли не полукочевники, а опытные солдаты, служившие в войсках Гамилькара и сражавшиеся против римлян. Собравшись после поражения, они напали на войска Ганнона, и результаты его победы оказались ничтожными. Тогда облечен был полномочиями главнокомандующего Гамилькар Барка, которому удалось вывести из осажденного Карфагена войска, осужденные до того на бездействие, а когда противник стал его преследовать, он неожиданно обернул свой тыл и нанес ему поражение. Гамилькар преследовал войска противника, но последние имели талантливых руководителей. В долине, расположенной, видимо, недалеко от Туниса и Карфагена, Гамилькар был окружен нумидийцами и ливийцами, и только помощь знатного нумидийца Наравы, перешедшего на сторону карфагенян, помогла Гамилькару одержать победу.

П о л и б и й (I, 78) указывает, что Наравы был знатнейшим из нумидийцев, близким к карфагенянам, и уважал особенно Гамилькара. Это указывает на связь нумидийской аристократии с выдающимися карфагенскими фамилиями. При таких условиях нумидийцы составляли надежную часть антикарфагенской коалиции и содействовали ее распаду.

П о л и б и й (I, 80) рассказывает, что мягкость Гамилькара по отношению к пленным внушала вождям восставших опасение, что часть их будет переходить к карфагенянам, и они прибегли к решительной мере: на собрании они провели решение о казни Гискона и других карфагенян. Мотивировка эта вряд ли убедительна. Большее значение, чем опасения руководителей наемников, имело то ожесточение, какое наблюдалось с обеих сторон в ходе этой гражданской войны. Когда получено было известие о смерти Гискона и других карфагенян (всего около семи сотен чело-

век), карфагеняне могли лишь обратиться с просьбой об отмщении к двум командующим: к Ганнону и Гамилькару. Но оказалось, что из личной, как мотивирует это Полибий, а вернее, из политической вражды они не могли действовать солидарно, и Ганнона пришлось отозвать обратно. Теперь Гамилькар стал жестоко поступать с пленными, одних он приказывал убивать на месте, других бросал на растерзание зверям.

Положение карфагенян было тяжелым. Сардиния была захвачена восставшими там наемниками, корабли из Эмпории, на которых шел запас хлеба, были разбиты бурей. В довершение ко всему сказалось и противоречие между Карфагеном и подвластными ему городами. Утика и Бизерта, выдерживавшие раньше осаду, перешли теперь на сторону восставших. Город Карфаген оказался со всех сторон отрезанным.

Но на осаждавших напал в свою очередь Гамилькар с другим карфагенским военачальником Ганнибалом и нумидийцем Наравой. Восставшие терпели голод, так что дошли даже до каннибализма. Положение их было худшим, чем осажденных жителей Карфагена, и они пошли на переговоры. Воспользовавшись присутствием в своем лагере в качестве парламентаров виднейших руководителей восстания, Гамилькар захватил Спендия, Автарита и Зарзу, окружил лагерь неприятеля и одержал решительную победу. После того он направился к лагерю около Туниса, где находился Матон, и на глазах у неприятеля распял захваченных вождей. Однако Матон, воспользовавшись замешательством Ганнибала, осаждавшего инсургентов с другой стороны, захватил его в плен и распял на том самом кресте, на котором прежде был распят Спендий. Но силы наемников были истощены. Под давлением карфагенской олигархии Гамилькар и Ганнон примирились, и в решительной битве Гамилькар одержал победу над Матоном, который погиб в ужасных мучениях. Взяты были Утика и Бизерта, предпринято было, видимо, несколько экспедиций против нумидийцев. Война, столь опасная для карфагенян, закончилась их победой, но победа досталась дорогой ценой.

Мы не знаем о целях восставших. Можно предполагать, что ливийцы добивались освобождения, наемники стремились занять руководящее положение, нумидийцы хотели избавиться от Карфагена, агрессия которого в Африке принимала все большие и большие масштабы. Восстание 241—238 гг. было одним из первых в истории древнего мира, когда угнетенные массы добились на время решительных успехов, но объективных предпосылок для их победы не было.

III

Несмотря на трудности борьбы с инсургентами, в Карфагене не прекращалась борьба и внутри господствующего класса. В последний период перед I Пунической войной в Карфагене приобретает господствующее положение Гамилькар Барка, и в течение почти полувека Баркиды играют выдающуюся роль в истории Карфагена, занимая в государстве такое же положение, какое занимали в свое время Магокиды и род Ганнона Великого. И Гамилькар и его преемники стремились к сохранению прежнего положения Карфагена в пределах западного Средиземноморья. Вынужденный отказаться от Сицилии, Карфаген не должен был, по мысли Гамилькара, отказываться от борьбы, а чтобы начать подготовку к ней и в какой-то мере компенсировать уступку римлянам Сицилии, Сардинии и Корсики, Гамилькар перенес свою деятельность в Испанию. И деятельность его была успешна. Карфагеняне значительно расширили территорию, основали новые города, а эксплоатация испанских серебряных

рудников имела следствием исключительно большой приток серебра в Карфаген.

Нужно, однако, заметить, что эта политическая концепция, особенно в первые годы после I Пунической войны, поддерживалась карфагенской аристократией далеко не единодушно. Противником Гамилькара был Ганнон, носивший, как и его предшественник IV века, прозвище Великого. В 247 г. он вел борьбу с ливийцами и захватил Тевесту. Впоследствии Ганнон Великий, как мы говорили, принимал участие, правда, не совсем удачно, в подавлении восстания наемников, ливийцев и рабов. Когда Ганнону пришлось действовать вместе с Гамилькаром Баркой, то оба военачальника «так сильно, — говорит Полибий (I, 82,4), — поссорились между собою, что не только теряли благоприятные для борьбы моменты, но взаимными распрями многократно давали неприятелю возможность вредить им». В ходе войны состоялось их примирение (Рол., I, 87, 3—5), но вражда не прекратилась. Полибий и Тит Ливий склонны видеть во всем этом личную неприязнь, но в действительности позиция Ганнона отражала линию определенной группы аристократии. Можно полагать, что группа Ганнона считала затяжную войну с Римом бедственной для Карфагена и не разделяла радужных надежд Гамилькара на испанскую экспедицию. Эта часть карфагенской аристократии, повидимому, считала, что главной задачей Карфагена должно было явиться укрепление позиций его в Африке. Ганнон довел карфагенские границы до Тевесты, южного пункта той территории, которая была населена оседлыми ливийцами, и эту территорию требовалось укрепить. Вполне возможно, что Ганнон отражал интересы той части аристократии, которая ориентировалась на крупное землевладение. Полибий утверждает, что в Карфагене «наибольшую силу во всех начинаниях имел народ, а у римлян высшая мера значения принадлежала сенату; тогда как у карфагенян совет держала толпа, у римлян лучшие граждане» (VI, 51, 6). Это противоречит тому, что нам известно о тех временах, о которых повествует Аристотель. Следовательно, придется допустить, что изменения произошли после I Пунической войны. Вполне возможно, что Гамилькар, не встречая поддержки в своей испанской политике со стороны сената, обратился к народному собранию. Подтверждение этому можно найти у Аппиана (Iber., 5), который говорит, что Гамилькар искал поддержки у народа.

Руководителем знати, оппозиционной Гамилькару, оставался Ганнон. В конце войны в Африке он был отозван из армии, и Гамилькар остался единственным руководителем военных операций (Арр., Iber., 5). Но среди знати Ганнон сохранил свое влияние и систематически выступал против Баркидов. Таким образом, план испанской кампании Гамилькар провел, опираясь, видимо, на широкие круги карфагенских рабовладельцев и при противодействии знати во главе с Ганноном. Испанские же доходы подняли престиж Гамилькара среди всех слоев населения. Аппиан указывает, что свою военную добычу Гамилькар тратил таким образом: треть он расходовал на войско, треть посылал в Карфаген в государственную казну, а треть — определенным руководителям государства. Полибий (III, 8, сл.), приводит версию Фабия Пиктора, который утверждал, что преемник Гамилькара Гасдрубал замыслил государственный переворот и имел много противников среди знати. Фабий Пиктор говорит также, что войну против Сагунта Ганнибал начал вопреки воле сената. Полибий опровергает это, но скорее из общих соображений, чем на основании определенных данных. Ситуацию можно определить следующим образом: успешные действия Гамилькара и его преемников в Испании, огромные богатства, которые направлялись отсюда в Карфаген, подняли престиж Баркидов, однако оппозиция среди знати сохранялась. Договор Гасдрубала с Римом,

заклученный в 226 г., так и не был ратифицирован в Карфагене; действия Ганнибала также вызвали критическое отношение, хотя, конечно, когда римские послы потребовали его выдачи, карфагенский сенат стал на сторону своего полководца, ибо выполнение римского ультиматума было бы полным подрывом суверенитета Карфагена. Т и т Л и в и й (XXI, 10—11), поддерживая, видимо, версию Фабия Пиктора, указывает, что Ганнон Великий предлагал удовлетворить требование римлян и выдать им сына Гамилькара. Об отношении к Ганнибалу во время его италийского похода существуют две версии. П о л и б и й (III, 87, 5) говорит, что после победы при Тразименском озере Ганнибал сообщил в Карфаген о своем походе и что вести эти обрадовали карфагенян, которые старались сделать все возможное для того, чтобы помочь Ганнибалу. Правда, А п п и а н (Hannib., 16) сообщает, что враги Ганнибала действовали против него, утверждая, что победители не требуют денег, а посылают их домой. В согласии с Аппианом находится и Д и о н К а с с и й (fr. 56, 12, Z o n., IX, 2). И тот и другой зависели в этом случае, видимо, от Фабия Пиктора, которого Аппиан, правда, по другому поводу, цитирует в начале главы. Отвергнуть версию Фабия Пиктора или других источников Аппиана и Диона Кассия, говоривших об оппозиции Ганнибалу, будет, по нашему мнению, неосновательно. Фабий Пиктор — современник событий, он был хорошо знаком с греческими кругами, он мог преувеличить глубину конфликта Ганнибала с сенатом, но не мог же он выдумать всю эту версию. Приходится исходить из следующих соображений: Ганнибал сообщает в Карфаген о ходе событий только через год после выступления из Испании! У нас мало конкретных данных о той реальной помощи, какую карфагеняне оказывали Ганнибалу во время италийской кампании. Если бы эта помощь была более эффективной, может быть, не потребовался бы очень трудный поход Гасдрубала, открывший фронт в Испании римлянам и закончившийся трагически для самого Гасдрубала. Исходя из этого, мы можем сказать, что версия Аппиана и Диона Кассия имеет определенные основания.

Т и т Л и в и й рассказывает (XXIII, 12—13), что с известием о победе при Каннах Ганнибал направил брата своего Магона. Ганнон выступил со словами сожаления о происходившей войне и предлагал немедленно заключить мир с римлянами. Поражения Ганнибала подорвали его престиж. Оппозиционная партия усилилась. Ею руководили тот же, теперь уже престарелый, Ганнон и Гасдрубал, прозванный Козлом (L i v., XXX, 42, 12). Они утверждали, что предвидели несчастье, и настаивали на скорейшем мире.

IV

Со всей остротой сказалось во время II Пунической войны противоречие между Карфагеном и нумидийскими племенами. Полибий указывает, что, отправляясь в поход против Италии, Ганнибал принял меры к тому, чтобы обеспечить безопасность Ливии (P o l. III, 34, 1). Имелась, несомненно, в виду возможность восстания ливийцев и нападения их на карфагенян. Но особенно сильно противоречия эти сказались в конце войны; связаны они были с появлением значительных туземных политических объединений. Эти политические объединения — туземные царства становятся известными уже с IV в.

Из нумидийских политических объединений особенное значение приобрели царства масесилов и массиллов. Царем масесилов был Сифакс. Главным их городом был Сига. Кроме того, выделялся значительный город Цирта. Царем массиллов был Гайя. В начале II Пунической войны

Гайя был на стороне Карфагена. В то же самое время Сифакс еще в начале II Пунической войны находился в состоянии войны с Карфагеном, затем заключил мир, но находился в сношениях с римлянами. Из Испании к нему приезжал даже сам Сципион Старший, и, согласно Титу Ливию, римляне заключили с Сифаксом мир. После смерти Гайи ему наследовал по агнатическим правилам брат его Эзалк, вскоре умерший. После дворцовых смут престол перешел к сыну Гайи Масиниссе. Ряд источников указывает, что брак Сифакса с Софонисбой, дочерью карфагенского аристократа Гасдрубала (сына Гискона), считавшейся прежде невестой Масиниссы¹, привел к ссоре между Масиниссой и Гайей, и когда Сципион высадился в Африке, Масинисса был на его стороне, а Сифакс воевал против Рима в союзе с Карфагеном. Но войско последнего было разбито, сам он был захвачен в плен, уведен в Италию и умер в Тибуре (L i v., XXX, 45). Роль Масиниссы в последний период II Пунической войны общеизвестна. В результате союза своего с римлянами он превратился из мелкого царька в сильнейшего монарха Западного мира.

Континентальная территория официально была сохранена за Карфагеном в пределах его владений 218 г., но за Масиниссой было признано право требовать возвращения тех земель, какие принадлежали ему или его предкам (P o l., XV, 18, 4). Масинисса получил Цирту, принадлежавшую прежде Сифаксу, и ряд прибрежных городов. Но все же, видимо, в противовес Масиниссе, часть территории Сифакса была отдана римлянами сыну его Вермине.

Из II Пунической войны Карфаген вышел ослабленным. С потерей Испании он лишился всех заморских владений. В ходе II Пунической войны отпали ливийско-финикийские города западноафриканского побережья Средиземного моря. Многие из них составляли теперь часть Нумидийского царства Масиниссы. Единственной опорой Карфагена оставалась Ливия. Ход исторических событий подтвердил большую реальность программы посредственного полководца и политика Ганнона Великого, а не блестящих завоевателей из династии Баркидов. Среди аристократии укрепляется влияние антибаркидской партии, но Ганнибал сохранил свое влияние среди демократических слоев. Потеря заморских владений особенно тяжело отозвалась на положении купцов и ремесленников, влиятельной части карфагенского демоса.

Ганнибал был избран суфетом на 196 год. Нужно заметить, что карфагенская казна испытывала большие затруднения, а в 199 г., например, очередной взнос в счет контрибуции не был внесен в срок (L i v., XXXII, 2, 2). В качестве суфета Ганнибал развил необычайно энергичную деятельность (L i v., XXIII, 46—49). Он установил строгий контроль над всеми поступлениями в государственную казну и, произведя расчет, заявил в народном собрании, что государство может выполнять свои обязательства по отношению к Риму, не обременяя особенно граждан. Он пытался сделать подотчетными себе магистратов, которых Ливий называет квесторами и которые, видимо, ведали государственными финансами, но коррупция среди карфагенской правящей аристократии была издавна распространена, и квесторы, видимо, искали опоры в совете судей (вероятно, в совете 104, по данным Аристотеля), который являлся оплотом аристократии: еще А р и с т о т е л ь указывал (P o l. II, 8, 2), что в состав его избирались исключительно лица благородного происхождения. Ганнибал обратился к народному собранию, он обвинил квесторов и предложил закон, по которому судьи должны были избираться каждый на год,

¹ L i v., XXVIII, 16, 12; A p p., Iber., 37; Lib., 10.

и никто не мог быть в этой должности в продолжение более двух лет (L i v., XXXIII, 46, 6, 7).

Тогда аристократия обратилась к Риму. Туда были посланы письма наиболее видным лицам. Использовано было направлявшееся в Рим посольство, официальной целью которого было разрешение спорных вопросов между Карфагеном и Масиниссой. В 195 г. римская делегация из трех лиц явилась в Карфаген и обвинила Ганнибала в сношениях с Антиохом III Великим, которые имели целью подготовку новой войны. Ганнибал не был уже суфетом. Не надеясь на поддержку влиятельных лиц, Ганнибал сначала скрылся в свое имение, а оттуда бежал к Антиоху III (C o g n. N e r., Hannib. 7). Римские послы, приведенные в сенат, указывали, что они имели полные основания к обвинению. Карфагеняне вынесли тогда решение об изгнании Ганнибала и о конфискации его имущества. Не дожидаясь пока будет осуществлено это решение, Ганнибал бежал из Карфагена.

В 193 г. Ганнибал направил эллинизированного тирийца Аристона в Карфаген для того, чтобы втянуть карфагенян в антиримскую коалицию. Аристон вел переговоры с разными лицами. Цель его приезда была всем ясна. Одни предлагали его выдать римлянам как шпиона, другие считали, что Аристон не дал к этому повода. Однажды ночью Аристон бежал из Карфагена, оставив прибитым на стене, около того места, где собирались должностные лица, обращение ко всему сенату¹. Этим предполагалось скомпрометировать весь сенат, но последний вошел уже в русло римской политики. В Рим направлено было посольство, которое изложило все это дело. Карфаген действовал как государство, зависимое от Рима.

Несмотря на поражение, несмотря на потерю территории, Карфаген не потерял экономического своего значения. Обработка полей усилилась. *Lati campi quos gerit Africa terra politos*, — писал вскоре после II Пунической войны римский поэт Энний. Катон старший, бывший в Карфагене в 153 г., видел тщательно обработанные поля, приносявшие большие доходы (A r r. Lib., 69). По археологическим данным, большинство товаров, изготовленных в Карфагене и распространявшихся в пределах Африки, относится к этому времени.

Но преуспеяние Карфагена зависело все же от его внешнеполитического положения. А п п и а н (Lib., 68), вполне определенно указывает, что в период между II и III Пуническими войнами в Карфагене было три партии. Одна из них была проримская (*οἱ μὲν ἑρρωμαίζον*); во главе ее стоял Ганнон Великий. Повидимому, она включала в свой состав консервативные аристократические элементы, ориентировавшиеся прежде всего на господство над Ливией и на сохранение крупных владений. Представители этой партии были связаны с Римом, с отдельными аристократическими римскими фамилиями. Вторая партия — демократическая — продолжала традиции Баркидов. Во главе ее стояли Карталон и Гамилькар, прозванный Самнитом. Судя по всему, это была партия, настроенная реваншистски и стоявшая за демократизацию государственного строя. Она включала, вероятно, в свой состав купцов и ремесленников, пострадавших от потери заморских владений. И, наконец, третья партия была за соглашение с Масиниссой. Во главе ее стоял Ганнибал, прозванный Скворцом. С нумидийским царем связаны были видные роды, два родственника его последовательно были женаты на племяннице Ганнибала. Сам Масинисса после захвата в плен Сифакса несколько дней женат был на Софонисбе, дочери Гасдрубала (сына Гискона), которую он, не желая портить отношений с римлянами, приказал отравить (L i v., XXX, 14—15).

¹ A r r., Syr. 8; I u s t., XXXI, 4, 1—3.

Эта партия рассчитывала на то, что даже если Карфаген и перейдет под власть Масиниссы, он сохранит автономию, кроме того Нумидийское царство находилось под культурным влиянием карфагенян, туда шли карфагенские товары. К этой партии принадлежали, видимо, определенные круги землевладельцев, может быть, связанные больше с пригородной карфагенской территорией, чем с Ливией, и, вероятно, те купцы и ремесленники, которые ориентировались на упрочение связей с Нумидией.

Однако Масинисса не искал сближения с Карфагеном. Наоборот, опираясь на покровительство римлян, он хотел включить Карфаген в состав своей территории. В сущности он вел по отношению к Риму такую же политику, как и Атталиды, и, может быть, лишь на склоне своих дней вынужден был в ней разочароваться. Масинисса принадлежал, несомненно, к крупным деятелям древнего мира. Хороший полководец и умелый дипломат, Масинисса уделял большое внимание и внутренней жизни своего государства. Страбон говорит (XVII, 3, 15), что Масинисса сделал свой народ «политическим» и приучил его к земледелию. Вполне возможно, что суждение Страбона восходит к Полибию, который утверждает: «до Масиниссы вся Нумидия была бесплодна, и по своим природным свойствам почиталась непригодной к обработке; он первый и единственный из царей доказал, что эта страна не менее всякой другой способна к произрастанию всех полевых и садовых плодов»¹. Образцом Масиниссе послужили, несомненно, Карфаген, а также эллинистические монархии. Какова была организация сельского хозяйства, у нас нет данных. Несомненно лишь одно: большую роль играли царские домены. Диодор пишет, что Масинисса оставил каждому из своих сыновей по 10 000 плетров (Diod., XXXII, 17), т. е. по 874 гектара. У Масиниссы было более 40 сыновей (Eutr., IV). Если даже половина из них была наделена, и то получается громаднейшая цифра. Как обрабатывались эти земли, остается неизвестным. Повидимому, большую роль играл труд рабов. Карфаген служил в этом отношении Масиниссе примером, а кроме того, Масинисса пользовался, видимо, и трудом своих подданных. Наряду с этим, несомненно, существовало и частное, крупное и мелкое, землевладение. Превращая своих подданных в оседлых земледельцев, Масинисса укреплял основы своего государства. Из временного, в известных отношениях случайного объединения, составленного кочевниками в военных по преимуществу целях, государство его превращалось в более прочное политическое целое, имеющее более или менее твердо очерченные границы и оседлое население.

Результаты этой политики описываются Аппианом, который говорит (Lib., 106), что при Масиниссе стало возделываться много земли, «большинство нумидян, говорит Аппиан, из живущих на одной траве [Масинисса] превратил в земледельцев, оставил в своих сокровищницах большие суммы денег, им обучена была большая армия». Масинисса оказался крупным поставщиком хлеба во всем Средиземноморье, хлебная торговля дала ему большие средства, которые шли главным образом на содержание армии. Как поставщик хлеба Масинисса уступал, может быть, только Египту и Восточной Сирии. В 200 г. он отправил в Македонию, где сражалась римская армия, 200 000 модиев пшеницы и такое же количество ячменя (Liv., XXXI, 19,4). Такое же количество послано было в 198 г. для армии, сражавшейся в Греции (Liv., XXXII, 27,2). В 191 г. на просьбу римских депутатов посланные Масиниссы ответили обещанием послать в Грецию 500 000 модиев пшеницы и 300 000 модиев ячменя, а в Рим— 300 000 модиев пшеницы и 250 000 ячменя (XXXVI, 3; 1; 4, 8). Во время

¹ Pol., XXXVI, 16, 7—9 (ed. Büttner Wobst, в других изданиях XXXVII, 3 или XXXVII, 10).

⁴ Вестник древней истории, № 2

войны с Персеем в 170 г. Масинисса отправил в Рим миллион модиев пшеницы (L i v., XLIII, 6).

Корабли, груженные нумидийским хлебом, стали появляться в Эгейском море. Масинисса вел торговлю хлебом в Делосе. Об этом говорит надпись, опубликованная еще в 1882 г., которая свидетельствует, что Масиниссой пожертвовано было городу Делосу 2796,5 медимна хлеба (около 1500 гектолитров), который был продан на сумму в 10 000 драхм¹. На Родосе Масинисса продавал туевое (лимонное) дерево и слоновую кость (S u i d a s, v. θύον).

Наряду с распространением земледелия среди нумидийцев Масинисса прилагал усилия к привлечению в свою страну пунических элементов. В этом отношении он встречал, несомненно, поддержку прибрежных ливийско-финикийских городов, тяготившихся своею зависимостью от Карфагена, который вел централизованную торговлю. Время Масиниссы и его преемников характеризуется широким распространением в Нумидии пунической культуры. Подобно тому, как Селевкиды содействовали возникновению и развитию греческих городов, Масинисса заботился о развитии и процветании городов пунических. В старых городах сохранялось прежнее самоуправление, в новых оно вводилось. Города Тугга, Тибика, Галес, Мактар, Альтибур, Калама, вошедшие в состав царства Масиниссы, сохранили суфетов и в римскую эпоху. К этому времени относится проникновение в Нумидию пунической архитектуры; образцом ее является мавзолей в Тугге, поставленный некоему Маорану, сыну Иофшата, внуку Нарабшемы (царя). Это был, видимо, нумидийский аристократ царственного рода, превратившийся в правление Масиниссы в частного человека. Пунические товары получают в эту эпоху широкое распространение. Археологические памятники, найденные в долине реки Меджеры (Бограда), относятся главным образом к тому времени, когда эта область вошла в состав царства Масиниссы. Там найдены амфоры, произведенные в Карфагене, вазы в виде зверей, лампы, сделанные в Карфагене, пунические терракотовые изделия в египетском стиле.

По отношению к Риму Масинисса проявлял исключительную внимательность и предупредительность. Могущественный в Нумидии, он по отношению к Риму вел себя как зависимый царь. Цель Масиниссы была вполне определенной: вначале он стремился за счет карфагенских земель расширить границы своего царства, впоследствии же предполагал, видимо, включить и самый город Карфаген в свои границы.

Мирный договор 201 г., как было указано, легализовал ожидавшиеся захваты Масиниссы, и сразу же после окончания Пунической войны Масинисса стал предъявлять соответствующие претензии. Уже в 195 г. карфагенское посольство, которое хотело призвать римлян на помощь против

¹ Я. А. Ленцман в статье «Дар Масиниссы», ВДИ, 1948, № 4, стр. 85 сл., отвергает общепринятое утверждение о том, что Масинисса торговал хлебом на Делосе. В основе его возражений лежат *argumenta e silentio*. Он говорит, что Полибий и Страбон, упоминая о том, что Масинисса приучил подданных к земледелию, не дают сведений о торговле хлебом. Не говоря уже о недостаточности подобного доказательства, доводы Я. А. Ленцмана не разрешают следующих вопросов: откуда, как не от торговли хлебом, могли взяты у Масиниссы значительные суммы денег, о которых говорит Аппиан? Масинисса поставлял для римских армий значительные партии хлеба (в 170 г. — 1 млн. модиев, т. е. свыше 8,75 млн. литр или свыше 5 тыс. т). За хлеб этот римляне платили (так было во всяком случае в 191 г. — L i v., XXXVI, 4,8). В те годы, когда Масинисса не поставлял хлеб в Рим, у него оставались громадные запасы, которые, несомненно, и отправлялись им в те районы, нуждавшиеся в хлебе, а это был бассейн Эгейского моря. Римляне платили за хлеб по определенным ценам, которые в какой-то мере приближались к тем, по которым Масинисса продавал хлеб в другие страны. Цены эти не могли определиться, если бы Масинисса все производил «для собственного потребления».

опасного для аристократии Ганнибала, имело официальной целью разрешить конфликт с Масиниссой. Внимание Масиниссы было направлено на города Эмпории и на долину реки Бограда. Итог подводит П о л и б и й (XXXI, 21-XXXII, 2), который дает как бы сводку этой борьбы: «В Ливии, — говорит Полибий, — Масинисса давно уже с завистью взирал на многочисленные города, построенные в пределах Малого Сирта, на прекрасные земли, именуемые Эмпориями, и обильные доходы, доставляемые этими местностями, а потому незадолго до описываемых событий решил напасть на карфагенян. Земли быстро переходили в его руки, ибо в открытом поле он имел перевес над неприятелем. Карфагеняне никогда не были искусны в сухопутной войне, а к этому времени, благодаря продолжительному миру, и совсем отвыкли от войны. Городами, однако, Масинисса не мог завладеть, ибо карфагеняне тщательно ограждали их. Обе стороны обратились за решением распри к римскому сенату, чем вызывались от одной и другой стороны частые посольства. Но карфагеняне каждый раз проигрывали у римлян не потому, чтобы они были неправы, а потому, что такие решения были выгодны для судей. Действительно, незадолго перед тем сам Масинисса с войском преследовал отложившегося от него Афтера и просил карфагенян дозволить ему пройти через эту самую землю, а карфагеняне отказали в просьбе; очевидно, земля эта не принадлежала Масиниссе. И все-таки карфагеняне доведены были . . . определениями римского сената до того, что не только потеряли города и земли, но еще должны были уплатить пятьсот талантов за пользование земли с того времени, как началась у них распри с Масиниссой». Масинисса захватил также долину реки Бограда и территорию города Тугги. По данным А п п и а н а (Lib., 68), к нему перешло 50 городов.

Римские посольства, направлявшиеся по этим спорным делам в Африку, почти всегда решали дела в пользу Масиниссы. В 153 г. в Африке был Катон Старший, который нашел, что земля около Карфагена хорошо обрабатывается, и считал, что благополучие это небезопасно для Рима (A p p., Lib., 69). Комиссия следующего года, в которую входил Сципион Назика, предложила Масиниссе восстановить границу, но предложение это сделано было, видимо, не особенно настойчиво. Карфагеняне в течение долгого времени полагались на римлян, но настойчивое проникновение Масиниссы, захват разных частей карфагенской территории вызвали соответствующую реакцию. Верх взяла демократическая, бывшая баркидская, партия. Сторонники Масиниссы были изгнаны, причем взята была клятва, что они не будут возвращены и не будет внесено предложения об их возвращении. Они бежали к Масиниссе, и тот отправил своих сыновей Миципсу и Галуссу с требованием об их возвращении, но Карталон, еще до того ставший одним из командующих, запретил им входить в город (A p p., Lib., 70). В результате Карфаген начал войну. Военачальником был избран Гасдрубал. Карфагенянам удалось собрать армию в 25 000 человек, пополненную нумидийскими племенными вождями, не желавшими, видимо, подчинения Масиниссе, во всяком случае армия численностью доходила до 58 000 человек. Но Масинисса выставил армию, превосходящую карфагенскую почти в два раза. К Масиниссе как раз в то время прибыл Публий Корнелий Сципион Эмилиан, который наблюдал битву Масиниссы с карфагенянами, занимая, по его словам, такое же положение, в каком находился Зевс на горе Иде и Посейдон на вершине Самофраки, когда происходила Троянская война (A p p., Lib., 71, 72; V a l. M a x., II, 10,4; V, 2).

Несмотря на отчаянное сопротивление, война закончилась поражением карфагенян. Условия мира приводит отчасти П о л и б и й в обзоре событий, относящихся к карфагенско-нумидийским отношениям (XXXI, 21-

XXXII, 2). Карфагеняне обязаны были выплатить контрибуцию в 5 000 талантов в течение 15 лет, армия их была, по словам Аппиана, почти вся истреблена. Удалось спастись только Гасдрубалу и нескольким знатым карфагенянам. В результате захвата Масиниссы были легализованы, и граница Карфагена проходила отныне следующим образом. От устья Туска близ города Табарки она отходила на юго-восток. Не только большая равнина, но и город Вага отходили к Масиниссе. Затем граница пересекала реку Боград и следовала по кривой линии от залива Хаммалит до города Тены, постепенно сужая расстояние между морем и пограничной полосой.

Карфаген был как будто бы ослаблен и территориально обездолен. Но когда римляне узнали о происшедшем в Африке, они обратили внимание лишь на одну сторону: карфагеняне нарушили условие мирного трактата 201 г., по которому они не могли без согласия Рима вести войну в Африке. Это было одним из поводов к объявлению III Пунической войны. Карфагеняне, обеспокоенные агрессивной политикой Рима, старались сделать все, чтобы спасти положение. Карталон и Гасдрубал были приговорены к смертной казни, в Рим было направлено посольство, но ему не было дано ответа. Маний Манлий, консул 199 г., и Луций Марций Цензорин, консул 149 г., направились в Африку. Утика стала на сторону римлян. Римляне сначала потребовали заложников, потом выдачи оружия и, наконец, объявили решение сената, касающееся карфагенян: те должны оставить Карфаген, который решено разрушить, карфагенянам позволялось основать другой город, но не ближе чем в 80 стадиях (14 200 метрах) от моря (A p p., Lib., 81; D i o d., XXXII, 63; L i v., ер. 49). Такие условия вызвали у карфагенян возмущение, и решено было оказать римлянам сопротивление. Проримская партия потеряла всякое влияние. Две другие партии объединились. Решение о казни Гасдрубала, прозванного Козлом, было отменено, в помощь ему назначили другого Гасдрубала, племянника Масиниссы.

Масинисса совсем, видимо, не желал ни разрушения Карфагена, ни утверждения римлян в Африке, но выступить против них он не отважился. В 148 г. в возрасте 90 лет он умер, сыновья же его выступили на стороне римлян, и один из них, Галусса, соединился с римскими легионами. Гасдрубала, родственника Масиниссы, обвинили в том, что он хочет передаться Галуссе. Приведенный в сенат, он был убит там скамьями (A p p., Lib., 93).

Осада города далеко не оправдала той самоуверенности, с какой выступили римляне. Лишь тогда, когда командование принял Сципион Эмилиан, римскому командованию удалось подготовить штурм Карфагена. Это произошло в марте или апреле 146 г. После длительных боев, происходивших на улицах города, перед цитаделью Бирсой, которую удалось взять лишь на седьмой день, Карфаген перешел в руки римлян. Гасдрубал на коленях просил пощады у Сципиона, а его жена со словами, что прощает ему слабость и измену, бросилась в огонь (P o l., XXXVIII, 20-XXXIX, 30; A p p., Lib., 130, 131). Десять дней горел Карфаген, а римские солдаты занимались его грабежом. Прибывшая из Рима комиссия в составе десяти человек передала Сципиону приказ уничтожить остатки Карфагена. Сципион проклял то место, где был Карфаген, и запретил на нем селиться (C i c., de lege agr., II, 19, 51; A p p., B C, I, 24; L i v.; ер. 135).

Этим заканчивается история доримской Африки. Территория, которая осталась у Карфагена после войны с Масиниссой, превращена была в римскую провинцию Африку.

Встает вопрос: чем объяснить столь суровое решение Рима? Ведь Карфаген, особенно после того, как территория его была урезана после войны с Масиниссой, не представлял как будто бы серьезной опасности. Ответы

на этот вопрос были различны. По мнению Моммзена, римско-италийские круги опасались возможной конкуренции Карфагена. Под влиянием римского купечества разрушены были, по Моммзену, и Карфаген и Коринф¹. Карштедт выдвинул другое положение. По его мнению, Рим опасался Масиниссы. Последний мог инкорпорировать Карфаген в состав своего царства, и последнее тогда непомерно бы усилилось². Точку зрения Карштедта поддерживает и Гзелль³.

Нужно, однако, заметить, что ни та, ни другая точка зрения не находит подтверждения в источниках. Моммзен не приводил данных в защиту своей точки зрения. На разрушении Карфагена настаивал Катон Старший. Его изречение *Carthaginem delendam esse*⁴ вошло чуть ли не в поговорку. Катон по возвращении из Карфагена принес в сенат сочный и свежий плод фигового дерева и, демонстрируя его сенаторам, сказал: «Нужно ли говорить, что враг у наших стен» (*Plin.*, NH, XV, 74—75).

Конечно, речь шла здесь не о конкуренции между Римом и Карфагеном в производстве сельскохозяйственных продуктов. Если мы обратимся к источникам, то должны будем сказать, что и фраза о разрушении и демонстрация сочной фиги отнюдь не означает стремления избавиться от своего торгового конкурента. Катон рассуждал о Карфагене исключительно с политической точки зрения. Наиболее отчетливо говорит об этом Аппиан. По возвращении из Карфагена Катон говорил, что состояние Карфагена, который так легко снова возвысился, внушает ему опасение: «Рим никогда не будет в состоянии упрочить свою свободу, прежде чем не разрушит Карфаген» (*Appian.*, Lib., 69). Интересы италийского купечества не могли определять политику. Мы не можем указать рынков, где бы после II Пунической войны карфагенские товары соперничали с римскими, и положение Моммзена, как необоснованное и противоречащее данным источников, придется откинуть.

Карштедт и Гзелль полагают, что Катон считал опасным инкорпорацию Карфагена в состав Нумидийского царства. Но почему же в таком случае Рим не мог ограничить аппетиты Масиниссы? Поддерживая его претензии в отношении Карфагена, Рим далеко не был с ним деликатен. Он требовал от него войска, слонов, хлеб. Наконец, когда после Персеевой войны Масинисса выразил желание прибыть в Рим, чтобы принести жертву Юпитеру Капитолийскому, он получил от сената отказ (*Liv.*, XLV, 14). Дело объясняется, очевидно, отнюдь не тем, что сенат щадил его возраст. Масинисса отличался крепким здоровьем и в восемьдесят лет. Но Рим не хотел принимать царей и, несколько позднее, не желая принимать Евмена II, вообще запретил царям приезжать в Рим. Так можно было поступать по отношению к царям, находившимся в зависимости. Точка зрения Карштедта и Гзелля также не находит, таким образом, подтверждения в источниках и не может быть выведена из политической ситуации.

После II Пунической войны Рим вел широкую внешнюю политику. С победой над Ганнибалом влияние Рима утвердилось во всем западном Средиземноморье, на Востоке же он на первых порах стремился к сохранению системы равновесия. Во внешней политике господствовала концепция Сципиона Старшего, считавшего, что Рим должен опираться на

¹ Моммзен, История Рима, II (русс. пер.), 1937, стр. 371.

² U. Karstedt, Geschichte der Karthager, 1913, стр. 615—617.

³ St. Gsell, Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, t. III, стр. 329.

⁴ *Plin.*, XV, 274; *Flor.*, I, 31, 4; *Vell. Pat.*, I, 13, 4; *De vir. illustr.* 47; *August.*, *Civ. Dei*, I, 30; *Cic.*, *De senect.* 6, 18; *De off.* I, 23, 79; *Val. Max.*, VIII, 15, 2; греческое Καρθηδὸν μὴ εἶναι; *Appian.*, Lib. 69; *Diod.*, XXXIV—XXXV, 33,3; *Plut.*, *Cat. M.*, 27.

систему зависимых государств и не приобретать новых провинций. Но система эта нарушена была прежде всего в Испании. Однако и на Востоке эта система проводилась лишь до Персеевой войны, когда Рим стал диктовать волю своим зависимым монархам и предъявлять ультиматумы в такой форме, в какой разговаривал Попилий Ленат с Антиохом IV. Рим стремился уничтожить оппозицию там, где она существовала или даже когда было лишь подозрение, что эта оппозиция может возникнуть.

Нет никаких оснований думать, что Карфаген был разрушен для того, чтобы не дать усилиться Масиниссе. Несмотря на весь его престиж в Африке, Масинисса мог оказаться в таком же положении, как Антиох IV. Карфаген, несмотря на поражение во II Пунической войне, не был в экономическом отношении сломлен. Благоприятное его экономическое положение могло привести и к политическому его возрождению. Проримская партия была не так значительна, демократическая (баркидская) партия имела силу, и подозрительные политики могли думать, что Карфаген сможет возродить свою мощь. Основания к этому, возможно, и были. Комиссия 153 г. указывала, что она видела материалы, собранные в Карфагене для постройки флота (L i v., ер. 48), а флот мог быть построен только против Рима. Враг, с которым Риму пришлось воевать в течение полустолетия, опять мог нанести удар. Не забудем, что римляне, когда речь шла о Карфагене, воспринимали его не как государство, которое расширило или потеряло свою территорию, а как подобный себе государство-город. Этот населенный город продолжал существовать. Македонские полусамостоятельные округа были уничтожены и превращены в провинцию, потому что появился лже-Филипп, которого, в сущности, мало кто признавал. К Ахейскому союзу предъявлены были чрезмерные требования, и дело кончилось разрушением Коринфа. Это была политика той сенаторской группы, которая пришла на смену Сципиона. Одним из представителей ее был Катон. Он подавлял движение в Испании, он считал необходимым искоренить и карфагенскую опасность. Нужно исходить не из отношения Катона к Карфагену, а брать общую ситуацию (Македония, Греция, Испания, Карфаген).

Оппонентом Катона был Сципион Назика, полагавший, что Карфаген нужно сохранить, и считавший, что некоторые опасения иногда полезны государству¹. Но точка зрения Катона получила перевес. От системы зависимых царств, которую Рим проводил в течение полустолетия, он перешел теперь на путь приобретения новых провинций.

Участь Карфагена была предрешена, но не так легко было осуществить это решение. Разрушение Карфагена означало конец истории доримской Африки. Наиболее существенным фактором этой истории было образование и развитие мощного Карфагенского государства. Политическая мощь его была разрушена, как государство Карфаген перестал существовать, и гегемония окончательно перешла к Риму. Главной причиной падения Карфагена были внутренние противоречия. Карфаген не мог объединить в единое политическое целое различные территории, находившиеся под его властью. Он мог господствовать над ними лишь тогда, когда у него не было серьезного и сильного конкурента. Внешнеполитические затруднения сопровождались внутренними конфликтами, достигшими особой остроты в 241 г. Своим возвышением Масинисса во многом обязан был Риму, но вместе с тем усиление его связано было с разложением первобытнообщинных порядков среди нумидийских племен и образованием туземных царств.

¹ App. Lib. 69; Dirod., XXXIV—V, 33, 3; Plut. Cato Maior, 27; Flor. I, 31, 4; August, Civ. Dei, I, 30.

Но тем не менее нельзя считать господство Карфагена в Африке и в различных областях чем-то случайным и эфемерным, как это думает Карштейдт. В течение двух веков Карфаген был сильнейшей державой западного Средиземноморья. Карфаген принес в Африку более высокую культуру, он способствовал переходу от первобытнообщинного строя к рабовладению, во всяком случае разложению первобытных общинных порядков на значительной территории. Пуническая культура проникла в глубь африканского материка. В последний период, когда Карфаген окончательно потерял значение вне Африки, пуническая культура стала шире распространяться. Это объясняется не деспотизмом Карфагена, а тем, что внутри африканского материка создались соответствующие этому условия. Пуническая культура оказалась необычайно живучей. Пунический язык в некоторых областях Северной Африки сыграл такую же роль, какую играл в Галлии латинский язык. Он звучал еще во времена Августина, *lingua Punicæ* и *lingua Agra* были для него синонимы. *Sermo punicus* был язык жителей около Малого Сырта и в Гипсоне Регии, в Нумидии, где Августин был епископом. Одновременно с внедрением языка проникла и пуническая культура, хотя она постепенно вытеснялась культурой римской и дала лишь некоторые элементы, какими отличаются провинциальные африканские памятники.

Характеристика пунической культуры не входит в наши задачи. Несомненно, она сохраняла черты, усвоенные от финикийцев. В силу особых социальных условий эта культура не была оригинальной. Многие взято было из Египта, и даже памятники поздней эпохи восходят к египетским оригиналам. В силу того, что наиболее влиятельным слоем финикийцев были купцы-посредники, в культуре их мало оригинальных черт. Их культура была по преимуществу эклектической. Этот эклектизм остается и в карфагенской культуре. Известные особенности в архитектуре, не знавшей, например, мрамора, в скульптуре, в украшениях из драгоценных металлов были, но они не создавали стиля, они не приводили к органическому слиянию разнородных элементов.

Известное влияние оказал, несомненно, на карфагенскую культуру эллинизм, но эллинизированной, а тем более эллинистической назвать ее нельзя. Характерной чертой эллинистической культуры являлся греческий язык. В Карфагене же греческий язык распространен был мало, и обучение ему было даже одно время из политических соображений запрещено. Эллинизм повлиял, несомненно, на памятники карфагенского искусства, но синтеза, подобного римскому искусству императорской эпохи, Карфаген не дал. В карфагенских памятниках, в большинстве случаев посредственных по своему положению, традиционный египетско-финикийский стиль сосуществует с эллинистическим, а не сливается с ним, и чаще карфагеняне просто подражали грекам, не внося ничего оригинального. Вспомним карфагенские монеты, копировавшие сиракузские образцы, и произведения керамики, созданные по греческим шаблонам.

Карфаген своей политикой в известной степени противодействовал развитию эллинизма. Одна из малооригинальных восточных культур, более низкая по своему уровню, чем эллинистическая, карфагенская культура задержала распространение эллинизма там, где господствовал Карфаген. Но, несмотря на то, что культура карфагенян была мало оригинальна, по уровню была ниже эллинистической, в истории Африки она сыграла большую роль. Особенно живучими оказались пунический язык и пунические верования. Они существовали целые столетия, тем более, что и покорение Карфагена Римом отнюдь не означало еще начала романизации.